
М.Л. Лавренченко

«БРАТОУЧАДО» РУССКОЙ ПРАВДЫ И РОЛЬ БРАТА МАТЕРИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В работе рассматриваются два взаимосвязанных изменения в первой статье Краткой и Пространной редакций Русской Правды: смена значения слова *братоучадо* с ‘сын брата’ на ‘двоюродный брат’ и исчезновение в Пространной редакции сына сестры из перечня лиц, имеющих право на кровную месть. Согласно нашему предположению, текст Краткой редакции отражает представления о семейном укладе, близкие дохристианской традиции, для которой характерны особо тесные отношения между сыном сестры и братом матери.

Ключевые слова: Русская Правда, термины родства, сын сестры и брат матери, авункулат, семья, род, племянник.

А не нажить-то мне той буде головушки,
Да милого-то братца любимого
*(Песня об Авдотьѣ Рязаночке, которая выбрала
среди всех родственников спасение брата*
[Онежские былины. С. 293])

Кровная месть характерна для многих архаических культур по всему миру, в том числе для славянских народов. В первой статье Русской Правды – древнейшего памятника славянского права – очерчивается круг лиц, которые имели право совершить месть за погибшего. Этот список различен в Краткой и Пространной редакциях Русской Правды.

В Краткой Правде перечисляются: брат, сын, отец, сын брата и сын сестры: «кто мьститъ братоу брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братоучадоу, либо сестриноу сынови» (Академический I список: Правда Русская. Т. 1. С. 70; Тихомиров 1953. С. 75; Хрестоматия 1960. С. 202)¹.

В Пространной Правде в число совершающих месть по-прежнему входят пять человек, но теперь среди них брат, сын,

¹ В Археографическом I списке: «либо братоучада, либо сестриню сынови» (Правда Русская. Т. 1. С. 79).

отец, двоюродный брат и сын брата (Тихомиров 1953. С. 87): «мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови» (Троицкий список: Правда Русская. Т. 1. С. 104; в Синодальном списке – «браточадоу»: Там же. С. 123).

Очевидно, что второй список представляет собой позднюю, измененную версию первого, где исчезает сын сестры и меняется значение слова *братучадо*: в первом случае оно обозначает сына брата, во втором – двоюродного брата. В тексте Краткой Правды на его точное значение указывает следующий в перечислении сын сестры, при упоминании о котором вряд ли будет пропущен сын брата. В списках Пространной Правды сын сестры отсутствует, а на последней позиции стоит сын брата, что вынуждает обратиться к альтернативному пониманию термина *братучадо*: «двоюродный брат»².

В древнерусских и известных на Руси церковнославянских произведениях раньше встречается употребление этого слова в значении «племянник», например, оно присутствует в переводе Хроники Георгия Амартола предположительно X–XI вв. (Срезневский 1893. Т. 1. С. 172). В более поздних текстах, Новгородской и Рязанской кормчих XIII в., оно используется равно для обозначения и племянника и двоюродного брата (СДРЯ. Вып. 1. С. 310–311). В Галицко-Волынской летописи слово *братучадо* и близкие ему встречаются в обоих значениях. Термин *братучада* употребляется при указании на двоюродную племянницу: «и вдасть Мазовешь братуоу своему Сомовитови, послушавъ князѧ Данила, бѣ бо братучада его за нимъ, дочи Александрова (Александра Всеволодича. – М.Л.), именемъ Настасья» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 810). Слова *братучадие*, *братучадо* используются для обозначения двоюродного брата: так называется сам князь белзский, Александр Всеволодич, по отношению к Даниилу Романовичу (Там же. Стб. 762; Домбровский 2015. С. 332). В славянских языках слово *братучадо*³ изначально присутствует в обоих значениях (СДРЯ. 1988. Вып. 1. С. 310–311; Этимологический словарь. Т. 3. С. 8), что, как предполагает О.Н. Трубачев, связано с его происхождением

² Комментарий М.Н. Тихомирова: «Братучадо – в данном случае двоюродный брат, так как далее указан “братен сын”, т. е. племянник» (Тихомиров 1953. С. 87).

³ Из классических старославянских рукописей, написанных не позднее XI в., эта лексема употребляется только в Супрасльской рукописи в значении “сын брата”, “племянник” (Супрасълски или Ретков сборник. С. 54–55; Старобългарски речник. С. 117; Slovník jazyka staroslověnského. С. 143).

из морфолого-синтаксической конструкции **bratu čęda* «дети двух братьев» (**bratu* – Р. п. дв. ч. от **brat*, а **čęda* – мн. ч. от **čędo*), откуда параллельно произошли два значения: «двоюродный брат», «племянник» (Этимологический словарь. Вып. 3. С. 8; Български етимологичен речник. Т. 1. С. 75). Допустимо также предположить слияние двух разных конструкций: **bratu* (Р. п. дв. ч.) *čęda* (мн. ч.) «дети двух братьев», из которого произошло значение «двоюродные братья» и **bratu* (Д. п. ед. ч.) *čędo* (ед. ч.) «сын брата», из которого произошло значение «племянник»⁴.

Этимологически близкие термины распространены во многих славянских языках: др.-серб. *братоучедь* «племянник»; серб. *братучеда* «двоюродная сестра, дочь брата отца», *првобратучеди* «двоюродные братья»; болг. *братовчед* устар. «племянник», совр. «двоюродный брат», *първи братовчед* «племянник», «двоюродный брат», «двоюродный племянник» и др. (Трубачев 1959. С. 61–62; Български етимологичен речник. Т. 1. С. 75; Болгарско-русский словарь. С. 55; Старобългарски речник. Т. 1. С. 117). В современных языках более широко представлены производные рассматриваемого слова в значении «двоюродный брат».

Процесс изменения текста Русской Правды коррелирует с социальными процессами, в результате которых кровная месть постепенно исчезла из повседневной практики. Составитель Пространной Правды в перечислении лиц, имеющих право на месть, полагался на имевшийся у него текст Краткой Правды, но правил его исходя из собственных представлений, согласно которым сын сестры вряд ли мог осуществлять месть за дядю – в отличие от двоюродного брата, чье участие представлялось более вероятным. Таким образом, из-за замены сына сестры на сына брата и слово *братоучадо* поменяло значение.

Исследуя процессы формирования семьи в Древней Руси, М.Б. Свердлов стремится доказать, что к интересующему нас периоду завершился распад «большой патриархальной семьи» и приблизилось к завершению формирование «малой» семьи, состоявшей из двух поколений: родителей и детей. Автор допускает в это время существование вторично неразделенной, по причине ведения общего хозяйства, семьи, которая могла состо-

⁴ Вероятно, различие форм, производных от термина «брат», и многозначность слова также связаны с проблемой специального обозначения племянника в славянских языках (Трубачев 1959. С. 76–79).

ять из родителей, женатых детей и внуков или из женатых братьев, детей и племянников (Свердлов 1983. С. 100–103). Однако ни один из упомянутых типов семьи (малой или неразделенной) не предполагает наличия сына сестры в качестве ближайшего мужского родственника, обладающего правом на кровную месть.

Обращаясь к текстам Русской Правды, М.Б. Свердлов отмечает, что «упоминание... сына сестры только подчеркивает пережиточный характер данной нормы, признающей право на месть члена чуждого семейно-хозяйственного коллектива» (Там же. С. 102–103). В разъяснении о том, какие именно пережитки вызвали упоминание в Краткой Правде племянника по матери, автор обращается к наблюдению этнографа Ю.В. Бромлея о том, что «переходу от матриликальности к полной патрилокальности часто предшествует авункулокальность», а именно «к мужу переселяется жена, в то время как их дети, в том числе сыновья, раньше или позже уходят в семью и род матери, к своим дядьям. В свою очередь в эту семью (род) возвращаются дети замужних женщин – племянники и племянницы». В качестве примера приводятся наблюдения над социальными традициями индейцев племени цимшиян XIX в. и племени майомбе в Конго (Бромлей 1981. С. 208).

Однако феномен особой связи сына сестры и брата матери (SiSo–MoBr) у германцев и других индоевропейских народов давно обращал на себя внимание исследователей, изучен, и, по всей видимости, имеет гораздо более поздние и не связанные с реконструируемым марксистскими учеными процессом перехода от матриархата к патриархату корни. Ян Бреммер, опираясь на данные структурных антропологов (Леви-Стросс 2001. С. 49–50) и посвящая этому вопросу отдельную работу, противопоставляет «сердечность» этой связи «формальным и холодным» отношениям отца и сына (Bremmer 1976. P. 65)⁵ и связывает этот феномен с тем, что в отличие от отца, брат сестры не обладал властью *patria potestas*. Следует добавить, что он же являлся одним из ближайших кровных родственников-мужчин, причем это родство

⁵ Он же отмечает, что особый характер этой связи у индоевропейцев принципиально отличается от, например, африканских племен (на материалы по которым опирается Ю.В. Бромлей), где она основана на многочисленных специфических ритуалах, например похищения невесты (Bremmer 1976. P. 70; Goody 1959. P. 61–88).

не могло подвергнуться сомнению, как, например, отцовство (и, соответственно, любая родственная связь через отца). Примеры, показывающие особые отношения брата матери и сына сестры встречаются в разных по характеру исторических источниках, в эпических сказаниях.

Самое известное упоминание о роли брата матери у германцев содержится в труде Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии»: «К сыновьям сестер они относятся не иначе, чем к своим собственным»⁶. Братья матери упоминаются наравне с братьями отца среди тех, кто имеет право на наследство: «Если он не оставил после себя детей, то его имущество переходит во владение тех, кто по степени родства ему ближе всего – к братьям, к дядьям по отцу, дядьям по матери» (Tacitus 2015. P. 42)⁷. Очерченный здесь круг лиц близок к тем, кто имеет право на месть согласно 1-й статье Краткой Правды.

Упоминание об особых отношениях между сыном сестры и братом матери можно встретить в греческих, римских, французских, ирландских, английских, немецких и других германских текстах (Bremmer 1976; 1983). В исландских сагах брат матери часто становится воспитателем, у которого растет сын сестры. Например, Ари, младший брат Гисли в «Саге о Гисли, сыне Кислого», воспитывался у Стюркара, брата матери (Сага о Гисли, гл. 2: *Íslendinga sögur og þættir*. Vol. 2. P. 853), конунг Харальд рос в детстве у Гуторма, брата его матери, он же командовал войском Харальда (Сага об Эгиле, гл. 26: *Ibid*. Vol. 1. P. 398)⁸.

Свидетельства об особом характере отношений брата матери и сына сестры у славян на основе фольклорного и этнографического материалов собраны Эвелом Гаспарини, он отмечает особое место брата матери во время церемоний и обрядов, в том числе почетное место в свадебном торжестве (Gasparini 1973.

⁶ И далее: «Больше того, некоторые считают такие кровные узы и более священными, и более тесными и предпочитают брать заложниками племянников, находя, что в этом случае воля сковывается более прочными обязательствами и они охватывают более широкий круг родичей» («*Sorum filius idem apud avunculum qui ad patrem honor. Quidam sanctiorem artioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur et in accipiendis obsidibus magis exigunt, tamquam et animum firmiter et domum latius teneant*» [20]: Tacitus 2015. P. 41; пер. А.С. Бобовича: Тацит 1993. Т. 1. С. 345).

⁷ Пер. А.С. Бобовича (Тацит 1993. Т. 1. С. 346).

⁸ В саге о епископе Пале приводится также поговорка о том, что брат матери всех дороже (*Biskupa sogur*. Vol. 1. P. 134).

Р. 277–299; Bremmer 1976. Р. 69). Во многих европейских эпических повествованиях дядя по матери играет важную роль в судьбе героя, в том числе и у славян, например Момчил – брат матери Марко Кралевича – фольклорного героя сербов и болгар (Miller 2000. Р. 92; Српске народне пјесме. Књ. 2. С. 114–115)⁹.

Свидетельства столь разного характера могут быть рассмотрены как рудименты общеиндоевропейского прошлого. В древнерусском обществе домонгольского периода доминирующую роль во всех сферах играла семья отца, что демонстрируют данные источников о распределении наследства, совместном ведении хозяйства и торговли и т.д. Однако роль брата матери не теряет своего значения полностью – в определенных ситуациях именно от него ожидаются активные действия в поддержку ребенка сестры, даже при наличии живого родного отца и его родственников.

Так, в берестяной грамоте № 531 сестра Анна просит своего брата Климяту о защите (Зализняк 2004. С. 416–419) от несправедливого обвинения некоего Константина, причем клевета была направлена не только против сестры Климяты, но и против ее замужней дочери, а муж Анны и отец дочери, Федор, занял сторону обвинителя – Константина, и выгнал жену из дому: «..а нынеца ѳедо прѣхаво, оуслышаво то слово и выгонало се(с)троую, и хотело потати» [«теперь Фед (Федор), приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить» – пер. А.А. Зализняка: Там же. С. 416–417]. Если Климята, как ожидает Анна, отзовется на ее просьбу, то его действия будут направлены на защиту своей племянницы по сестре против ее родного отца – мужа сестры.

Далее, как пишет брату Анна, если против нее или ее дочери найдутся свидетели – пусть именно Климята, а не ее муж вершит над ней расправу: «...ты пако брате, испытаво, которое слово звело на ма и пороукоу, а боудоу люди на томо – тебе не се(с)тра, а моужеви не жена, ты же ма и потени не зера на ѳедора» [«Когда же ты, брат, проверишь, какое обвинение и [какое] поручительство он (Коснятин) на меня взвел, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, то я тебе не сестра, а

⁹ Ср., например, такие пары героев, как Роланд и Карл Великий, Тристан и король Марк, Кухулин и король Конхобар (Bremmer 1976. Р. 65–69; Miller 2000. Р. 92–95; Bell 1922. Р. 136; Parkes 2004. Р. 587–615; Nitze 1912. Р. 1–32; Farnsworth 1913; Gaffney 2011. Р. 135 и др.).

мужу не жена. Ты же меня и убей, не глядя на Федора» (т. е. не принимая его во внимание) – пер. А.А. Зализняка: Там же. С. 416–417].

Еще в одной грамоте, № 705 (Там же. С. 422), брат Домажир пишет к мужу сестры Якову с беспокойством о ее судьбе: он просит ее вернуть брату, «если она тебе не угодна» («а оу тебе слышоу цето ты моловише оце е тебе н[е] годена»), далее беспокоится о здоровье сестры («а ныне слышоу болену сestroу»), и в случае, если она умрет, просит прислать к нему сына сестры: «пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь» («оце ю бѣ поемете, а присоли соно ко мене со ее знатебою оте побоуде сѣно у мене а а са имо потешоу» – пер. А.А. Зализняка: Там же. С. 422).

В качестве угрозы в случае неисполнения просьбы Домажир обращается к Богородице, «перед которой ты принесил роту (клятву)» («пакы ли не оуправише того а а та передамо сватее богородице ко нее же еси заходиле роте»: Там же. С. 422). В обеих ситуациях брат матери выступает как гарант соблюдения прав своей сестры и ее детей перед недобросовестным мужем и отцом.

На различный характер отношений человека с братом матери и братом отца (и, возможно, обязательств перед ними) указывает и различие в терминах, обозначающих дядьев: *стрый* – дядя по отцу и *уй* – дядя по матери. Также различаются термины, обозначающие племянников: *сестричич* – сын сестры и *сыновец* – сын брата. Дети многих русских князей, женатых на половчанках, имели родственников по половецкой линии и иногда прибегали к помощи «диких уев» – братьев своей матери, как, например, Святослав Ольгович (Литвина, Успенский 2013. С. 256, а также с. 20–89 и сл.).

Галицкий князь Владимир Ярославич, находясь в конфликте со своим отцом, бежит в Священную Римскую империю, где, как сообщает летопись, Фридрих I Барбаросса узнает в нем сына сестры – *сестричича* Всеволода Юрьевича и потому помогает ему («цсръ же, оувѣдавъ вже есть сестричичъ великому князю Всеволодоу Соуждальскому и прия его с любовью»: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 666), хотя не может не знать его родного отца – Ярослава Осмомысла. Именно Всеволод сажает Владимира в Галиче и обещает сохранить за ним этот город. Сестра Всеволода и мать Владимира, Ольга Юрьевна, вынуждена была бежать от мужа и жила у брата Всеволода; роль последнего в ее делах (и делах ее сына) была значительной и ранее.

Еще один пример заботы брата матери о сыне сестры мы видим в сложной политической ситуации, в разгар противостояния между братьями матери и братьями отца Святослава Всеволодича, отец которого к тому времени уже умер. Изяслав Мстиславич, брат его матери, после получения Киева говорит ему: «свои ми еси сестричичь», приближает племянника к себе: «поча и водити подлѣ са» (Там же. Стб. 327). Метания Святослава Всеволодича между конфликтующими дядьями проиллюстрированы следующими летописными словами: «Стѣславъ же не хоташе ѿступити ѿ оуя своего Изаслава, но неволею ѿха строя своего дѣла Стѣслава Сѣлговича» (Там же. Стб. 377).

При описании взаимодействия братьев матери и сыновей сестры среди Рюриковичей в древнейших русских летописях мы не находим упоминаний о таких договорах, устанавливающих сыновско-отцовские отношения, как те, что часто заключаются между братом отца и сыном брата или двумя взрослыми братьями в заботе о сыновьях (Там же. Стб. 399–400, 422, 488). При этом братья матери не только зачастую оказывают существенную помощь, но и свободно используют обращение «сын» в диалогах с племянниками – сыновьями сестер, в свою очередь именующих их «отцами»:

(1) *Святослав Всеволодич и Изяслав Мстиславич:*

...тогда же Всеволодичъ Стѣславъ... приѿха къ Изаславоу, поча са оу него просити, река: «ѿѿце, поустити ма Черниговоу...»

...внѣ же речѣ: «Сноу, тако ти и гораздо готовъ боуди, напередѣ иди» (Там же. Стб. 343).

(2) *Владимир Ярославич и Всеволод Юрьевич:*

...посла ко Всеволодоу ко оуеви своему в Соуждаль, и молася емоу: «ѿѿче гсѣне, оудержи Галичь подо мною, а язъ Бжии и твои есмь со всимъ Галичемъ, а во твои волѣ есмь всегда» (Там же. Стб. 667).

Во всех указанных ситуациях, описанных в летописи или в берестяных грамотах, существует веская причина, по которой отец или его родственники не могут оказать поддержку сыну (или дочери). Это может быть конфликт (как между Анной, ее дочерью и мужем Федором, поддерживающим обвинение Константина; между галицкими князьями Владимиром Ярославичем и Ярославом Владимировичем), недоверие брата матери родному отцу (в грамоте № 705), смерть отца (Святослав Всеволодич и Изяслав Мстиславич).

В дохристианском обществе таких причин было больше и ситуации, когда действия брата матери имели решающее значение, происходили чаще, что не в последнюю очередь связано с отсутствием социального института брака: несколько сыновей отца от разных жен или наложниц претендовали на отцовское наследство, и в этой борьбе дядя по матери порой выступал в качестве более заинтересованного и близкого лица, чем родной отец.

Яркий пример такой связи можно видеть в «Повести временных лет», где интересы Владимира – сына Святослава от ключницы Ольги – последовательно защищает брат матери, Добрыня. Его отношения с Владимиром характеризуются близостью и доверием: в статье 6478 (970) г. Добрыня уговаривает новгородцев «просить» себе в качестве князя Владимира (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69), затем участвует в его деятельности: в походе Полоцк, на болгар, действует от его лица в Новгороде, где «постави кумира надъ рѣкою Волховомъ» (Там же. Стб. 79), а затем крестит новгородцев. Отношения же Владимира с родным отцом, Святославом, характеризуются как формальные, хотя происхождение матери Владимира никак не влияет на его права.

Именно такое положение вещей, когда брат матери играет значительную, а иногда и более существенную роль в жизни сына сестры, чем родной отец, и нашло отражение в первой статье Краткой Правды, что говорит о фиксации этой правовой нормы в письменном виде в период, когда данное положение дел было еще живо в памяти действующих поколений. Особые отношения между Владимиром и братом его матери, Добрыней, помощь последнего и их совместные действия, безусловно, были хорошо известны сыновьям Владимира, в том числе правившему продолжительное время в Новгороде Ярославу, при котором, как предполагается, и были зафиксированы в письменном виде первые статьи Краткой Правды (Тихомиров 1953. С. 7–15).

По выражению Джека Гуди, христианский брак перевернул с ног на голову семейные традиции и представления о родстве в целом в различных европейских средневековых обществах, что проявилось, в частности, в большей ориентированности на воспитание детей (Goody 1983. P. 153–156). Это, очевидно, касается и древнерусской семьи в полной мере. Исчезновение сына сестры из круга ближайших лиц мужского пола, имеющих право на месть, могло произойти ровно в тот период, когда уже как минимум два поколения выросли в христианских семьях, а пред-

ставление о его роли было утеряно и у взрослой генерации. На родственников по отцовской линии возлагается все больше обязанностей, и список мстителей за смерть человека теперь состоит полностью из их числа, что и обуславливает смену значения слова *братоучадо*.

Для составителя Пространной Правды было естественно, что в число пятерых лиц, имеющих право кровной мести (а следовательно, ближайших родственников человека) кроме отца, сына и брата должны входить двоюродный брат и сын брата, но никак не сын сестры. Поэтому он оставил термин «братоучадо» на четвертой позиции, но уже понимая его как двоюродного брата, а «сына сестры» исправил на «сына брата». Если бы такой список был изначально, *братоучадо* («двоюродный брат») следовал бы за сыном брата, т.к. это более дальняя степень родства, чем между дядей и племянником.

Слово «братоучадо» с еще большим трудом понимается составителями некоторых списков Пространной Правды, которые переделывают его то в «любо брату, любо чаду» (Рогожский первый список: Правда Русская. Т. 1. С. 168), то в «любо брату чада» (Пушкинский список: Там же. С. 282.) а затем оно и вовсе исчезает, как, например, в Сокращенной Правде (Толстовский список: Там же. С. 403).

Таким образом, первая статья Краткой Правды отражает социальную ситуацию, характерную для семьи дохристианского периода, которую составитель Пространной Правды понял неверно, истолковав в соответствии с собственными представлениями, отражающими уже глубоко укоренившиеся порядки христианского общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Болгарско-русский словарь / Под ред. С.Б. Бернштейна. М., 1953.
- Български етимологичен речник / Под ред. Вл. Георгиева, Ив. Гълъбова, Й. Заимова, Ст. Илчева. София, 1971. Т. 1.
- Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.
- Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIVв.). СПб., 2015.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013.
- Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Архангельск, 1983.
- Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1: Тексты.
- Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1.
- Српске народне пјесме / Сабрана дела Вука Караџића. 1845. Књ. 2: У штампарији јерменскога манастира.
- Старобългарски речник / Под ред. Д. Иванова-Мирчева. София, 1999. Т. 1.
- Супрасълски или Ретков сборник / Под ред. Й. Заимов, М. Капалдо. София, 1983. Т. 2.
- Тацит, Корнелий.* Соч. В 2 т. СПб., 1993. Т. 1: Анналы. Малые произведения.
- Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
- Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства. М., 1959.
- Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1960.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубачева. М., 1976. Вып. 3.
- Bell C.H.* The Sister's Son in the Medieval German Epic. A Study in the Survival of Matriliney. Berkeley, 1922.
- Biskupa sögur. Copenhagen, 1858. Vol. 1.
- Bremmer J.* Avunculate and fosterage // Journal of Indo-European Studies. 1976. N 4. P. 65–78.
- Bremmer J.* The Importance of the Maternal Uncle and Grandfather in Archaic and Classical Greece and Early Byzantium // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Vol. 50. 1983. S. 173–186.
- Farnsworth W.O.* Uncle and Nephew in the Old French Chansons de Geste: A Study in the Survival of Matriarchy. N.Y., 1913.
- Gaffney P.* Constructions of Childhood and Youth in Old French Narrative. L.; N.Y., 2011.
- Gasparini E.* Il matriarcato slavo. Antropologia culturale dei Protoslavi. Firenze, 1973 (перезд.: 2010).
- Goody J.* The Mother's Brother and the Sister's Son in West Africa // Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1959. Vol. 89, N 1. P. 61–88.
- Goody J.* The Development of the Family and Marriage in Europe. Cambridge, 1983.
- Íslendinga sögur og þættir / Bragi Halldórsson. 1987. B. 1–2.

Miller D.A. Epic Hero. L., 2000.

Nitze W.A. The Sister's Son and the Conte del Graal // *Modern Philology*. 1912. Vol. 9, N 3. P. 291–322.

Parkes P. Fosterage, Kinship, and Legend: When Milk Was Thicker than Blood? // *Society for Comparative Study of Society and History*. 2004. Vol. 46, N 3. P. 587–615.

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae / Hlavní red. J. Kurz. Praha, 1958. Vol. 1.

Tacitus, Cornelius. De Vita Iulii Agricolaе, de Origine et Moribus, Germanorum / Ed. by J.H. Sleeman. Cambridge, 2015.

Maria L. Lavrenchenko

TWO MEANINGS OF *BRATOUCHADO* AND THE IMPORTANCE OF MATERNAL UNCLE IN OLD RUS SOCIETY

In this article we consider two differences in the first clause between *Russkaya Pravda*'s Short and Extended Versions: the change of the meaning of the term *bratouchado* from 'brother's son' to 'cousin', and the disappearing of sister's son from the list of avengers. According to our hypothesis, the Short Version reflects a pre-Christian perception of family ties and responsibilities, including more intimate relationships between mother's brother and sister's son.

Key words: MoBr–Siso relationship, kinship terms, Old Rus Law, avunculate, fosterage, *Russkaya Pravda*, pre-Christian society.